

В самом уединенном уголке оживленного северного района, в отделении полиции Литун, горел яркий свет.

К тому времени, как Цзян Чжаосюэ и Цэнь Лубай прибыли на место, адвокат, с которым связалась Цэнь Лубай, уже давно был там.

Цуй Юй, подруга Жун Чжи, ждала за стеклянными дверями холла на первом этаже. Увидев Цзян Чжаосюэ, она словно встретила спасительницу и поспешила навстречу. Однако, едва открыв рот, она заметила женщину, которая неспешно шла следом за Цзян Чжаосюэ, — Цэнь Лубай, чья фигура была безупречна, а движения исполнены спокойного достоинства. Цуй Юй на мгновение замерла, но тут же почувствовала, как на душе стало удивительно спокойно.

Всё верно. Адвокат, которого пригласили, хоть и был нанят по поручению Цзян Чжаосюэ, но на визитке, которую он вручил, красовался логотип юридической фирмы, обслуживающей исключительно корпорацию Бай-На.

— Госпожа Цэнь, госпожа Цзян, — почтительно поприветствовала она.

Цэнь Лубай слегка кивнула, а Цзян Чжаосюэ с тревогой спросила:

— Как там Жун Чжи?

Цуй Юй, ведя их к лестнице, ответила:

— Адвокат сейчас ведет переговоры, кажется, ситуация проясняется. В любом случае, сегодня вечером Жун Чжи точно должна вернуться домой.

Цзян Чжаосюэ немного успокоилась.

Втроем они поднялись на второй этаж. В отличие от тишины ночного холла внизу, здесь царил суета. В кабинете стояло несколько столов, за которыми сидели сотрудники в форме, а на скамье неподалеку спали, уткнувшись в колени, несколько человек, пребывавших в состоянии глубокого опьянения.

Полицейские мельком взглянули на них, но, увидев, кого привела Цуй Юй, поняли, что это всё то же дело о драке, и не стали обращать внимания.

В этот момент из комнаты рядом с узким коридором вышли двое мужчин в деловых костюмах, а следом за ними — сотрудник полиции и Жун Чжи, из-за которой Цзян Чжаосюэ переживала всю дорогу.

Жун Чжи шла, опустив голову, слегка прихрамывая, и всем своим видом выражала подавленность.

Увидев их, Цзян Чжаосюэ и Цуй Юй поспешили навстречу. Адвокат, заметив их, также ускорил шаг.

— Госпожа Цэнь, — поприветствовал он.

Цэнь Лубай перевела взгляд с Жун Чжи на Цзян Чжаосюэ и спросила:

— Ну что?

Адвокат с легкой улыбкой ответил:

— Всё в порядке. Господин Чжан согласился на примирение. Как только подпишем соглашение, госпожа Жун сможет идти домой.

Цэнь Лубай кивнула:

— Благодарю, вы хорошо поработали.

Адвокат не посмел присвоить лавры себе:

— Вовсе нет. Я почти ничего не сделал, господин Чжан пошел на уступки исключительно из уважения к вам.

Адвокат другой стороны, ожидавший неподалеку, не упустил случая, двумя руками протянул визитку и вежливо произнес:

— Госпожа Цэнь, господин Чжан просил передать вам, что будет рад возможности как-нибудь вместе сыграть в гольф.

Цэнь Лубай приняла визитку, помолчала секунду и ответила:

— Обязательно.

Сотрудник полиции напомнил:

— Пора подписывать.

Жун Чжи вместе с адвокатом прошли в другую комнату. Цзян Чжаосюэ не стала заходить следом, а остановилась рядом с Цэнь Лубай. Подняв на нее взгляд, она искренне поблагодарила:

— Спасибо вам большое за этот вечер.

Если бы не Цэнь Лубай, всё могло закончиться куда хуже. Как рассказывала Цуй Юй, лицо того мужчины было серьезно повреждено, и он уже успел заявить, что не оставит Жун Чжи в

покое.

Цэнь Лубай покачала головой, не придавая этому значения:

— Пустяки.

Для Цэнь Лубай это действительно могло быть пустяком. Но даже пустяковое дело, если в него вовлечены другие люди, требует затрат душевных сил. Цзян Чжаосюэ слышала, что сказал адвокат противоположной стороны.

Помощь Цэнь Лубай сегодня была проявлением доброй воли, это выходило далеко за рамки их делового контракта. Она помогла, и Цзян Чжаосюэ чувствовала себя обязанной хоть что-то сделать в ответ, иначе ее мучило чувство долга.

Она прикусила губу, собираясь сказать: если что-то понадобится, не стесняйтесь обращаться, но подумала, что у Цэнь Лубай и так всё есть, и такие слова прозвучали бы неуместно. Пока она колебалась, Цэнь Лубай, словно прочитав ее мысли, произнесла:

— Если действительно хочешь поблагодарить, пригласи меня на ужин.

Цзян Чжаосюэ почувствовала, как с плеч упал груз, и с улыбкой ответила:

— Хорошо.

В глазах Цэнь Лубай мелькнул теплый свет, она добавила:

— Приготовленный тобой, можно?

Цзян Чжаосюэ замерла.

Цэнь Лубай отвела взгляд, глядя на тех, кто подписывал бумаги в кабинете:

— В тот раз у твоих родителей рыба в остром соусе была очень вкусной.

Цзян Чжаосюэ: ...

Разве она не видела, что Цзян Чжаосюэ не переносит острое, и даже от крошечной порции ее глаза краснеют, а сама она выглядит донельзя жалко?

Но раз уж она так сказала, у Цзян Чжаосюэ не было причин отказываться. Она осторожно спросила:

— Тогда, может, приготовишь в воскресенье?

Цэнь Лубай ответила:

— М-м.

Цзян Чжаосюэ заметила, как уголки ее изящных губ слегка приподнялись. Она отвела взгляд и, закусив губу, тоже улыбнулась.

В кабинете Жун Чжи подписала соглашение, и дело было закрыто. Выйдя наружу, она с трудом взяла себя в руки. Узнав, что Цзян Чжаосюэ уже поблагодарила Цэнь Лубай, она при ней еще дважды принесла свои извинения и слова благодарности.

— Не стоит, мы же друзья, — ответила Цэнь Лубай.

Жун Чжи, конечно, понимала, что означает это «друзья». Она многозначительно взглянула на Цзян Чжаосюэ. Та, поняв, что подруга приняла заботу Цэнь Лубай за нечто большее, почувствовала, как лицо заливают краска, и поспешила сменить тему:

— Пойдемте, спустимся вниз.

— Хорошо.

Они вышли на улицу. Адвокаты попрощались с Цэнь Лубай и разъехались. Цуй Юй, которая весь вечер носилась с этим делом, нужно было вернуться к продюсеру, и Цэнь Лубай предусмотрительно вызвала ей такси, оплатив поездку.

У полицейского участка остались только Цзян Чжаосюэ, Жун Чжи и Цэнь Лубай.

Цэнь Лубай сняла машину с сигнализации, ее взгляд упал на окровавленные руки Жун Чжи:

— В больницу нужно?

Она явно предлагала подвезти их.

Цзян Чжаосюэ не хотела лишний раз утруждать Цэнь Лубай, но при Жун Чжи было бы странно отказываться. Она взглянула на подругу, спрашивая мнения, и Жун Чжи, показав свои руки, уверенно сказала:

— Не нужно, это всего лишь царапины, дома обработаю йодом, и всё пройдет.

В кабинете Цзян Чжаосюэ уже спрашивала об этом, и Жун Чжи настаивала, что ничего серьезного. Пришлось открыть заднюю дверь машины. Цзян Чжаосюэ с благодарностью сказала Цэнь Лубай:

— Пожалуйста, отвези нас до Таньюэ.

Таньюэ был жилым комплексом, где снимала квартиру Жун Чжи.

Цэнь Лубай едва заметно улыбнулась, принимая благодарность.

Цзян Чжаосюэ и Жун Чжи сели на заднее сиденье. В салоне горел приглушенный свет, была идеальная тишина. У Цзян Чжаосюэ накопилось много вопросов к подруге, но в присутствии Цэнь Лубай она не знала, стоит ли их задавать, поэтому промолчала.

Всю дорогу они ехали молча.

Машина остановилась у входа в комплекс Таньюэ. Цзян Чжаосюэ помогла Жун Чжи выйти, а Цэнь Лубай, оставаясь на водительском сиденье, лишь опустила стекло, не выходя из машины.

— Должно быть, ты вернешься очень поздно, не жди меня, — попрощалась Цзян Чжаосюэ.

Цэнь Лубай слегка кивнула.

Цзян Чжаосюэ подумала немного и добавила:

— Будь осторожна в пути, напиши, как доберешься.

На этот раз улыбка Цэнь Лубай стала заметнее. Ветер шевелил пряди волос у ее висков, а в глубине глаз, казалось, заструилась вода:

— Хорошо.

Цзян Чжаосюэ больше ничего не оставалось сказать. Дождавшись, пока Жун Чжи еще раз поблагодарит Цэнь Лубай, она вместе с ней повернулась и пошла к подъезду.

Тени деревьев покачивались, вокруг было пусто и тихо. Глядя на порванные брюки Жун Чжи, Цзян Чжаосюэ спросила прямо:

— Почему ты подралась?

Тон ее был ровным — это не было обвинением, лишь вопросом. Она знала Жун Чжи много лет и понимала, что та, хоть и выглядела порой легкомысленной, никогда не стала бы распускать руки без причины.

Жун Чжи, державшаяся весь вечер, наконец сдалась. Она сжала зубы, подавляя всхлип, и проговорила сквозь слезы:

— Я увидела, как он, пьяный в стельку, обнимал двух девиц и шел с ними в номер.

Цзян Чжаосюэ была ошеломлена.

Она спросила с сомнением:

— Может, это ошибка? Когда мы были на горе Цинфэн, казалось, что у них с Тань Шужу всё хорошо.

Жун Чжи покачала головой, ее кулаки, опущенные вдоль тела, сжались до хруста:

— Нет. — Она добавила: — Он был таким раздраженным, ни капли раскаяния. Сказал, чтобы я не лезла не в свое дело, а потом при тех двух женщинах... сказал, что Тань Шужу строит из себя недотрогу, а в постели какдохлая рыба, никакой радости.

Она не могла произнести это до конца.

— Он говорил ужасные, очень неуважительные вещи.

Чем дальше она говорила, тем тяжелее звучал ее голос, полный боли. Человек, которого она лелеяла в сердце, был не только предан, но и унижен.

Она закрыла лицо руками, слезы катились по щекам — горькие и бессильные.

Цзян Чжаосюэ не знала, как утешить подругу, и лишь мягко похлопала ее по спине.

Она знала Жун Чжи давно: та была соседской девушкой, которая всегда о ней заботилась и только что закончила киноакадемию. Жун Чжи говорила, что пошла учиться на режиссера, потому что ее старшую подругу вечно обижали и отбирали у нее роли. Она хотела снимать кино, чтобы ее подруга могла играть кого угодно и всегда быть главной героиней.

Когда она это говорила, ее глаза сияли той искренней, бесстрашной отвагой, которая бывает только у юности. Цзян Чжаосюэ нравилась эта чистота и упрямство, в чем-то они были похожи.

Но чем ближе они становились, тем яснее Цзян Чжаосюэ понимала: что-то не так. По тому, как менялся голос Жун Чжи, стоило заговорить о Тань Шужу, она догадалась, что подруга тайно влюблена.

Жун Чжи скрывала это, и Цзян Чжаосюэ не стала разоблачать ее.

Впервые она убедилась в этом, когда в новостях написали о первом романе Тань Шужу. Жун Чжи пришла к ней, ничего не сказала, просто долго плакала — так горько, что у Цзян Чжаосюэ сердце сжималось от жалости.

Она ничего не спрашивала, просто провела с ней полдня, а потом, боясь, что та не справится с чувствами, стала чаще звать ее на прогулки, чтобы отвлечь.

Возможно, эта молчаливая забота заставила Жун Чжи полностью довериться ей. Однажды, в самый обычный день, речь снова зашла о Тань Шужу, и Жун Чжи вдруг сказала:

— На самом деле я люблю Тань Шужу. Не как сестру, понимаешь?

Цзян Чжаосюэ ответила:

— Понимаю.

Они улыбнулись друг другу.

Все эти годы она видела, как свет в глазах Жун Чжи то загорался, то гас вместе с романами Тань Шужу, и как в конце концов он почти погас. Она знала, что Жун Чжи ждет, и знала, что Тань Шужу ни в чем не виновата — она просто не знала.

И сказать ей было бесполезно. Тань Шужу любила мужчин, и Жун Чжи всегда это знала.

Это был замкнутый круг. Жун Чжи не хотела отпускать, и никто не мог ей помочь.

Цзян Чжаосюэ тяжело вздохнула.

Они больше не разговаривали, молча дошли до лифта. Когда лифт остановился на этаже, где жила Жун Чжи, Цзян Чжаосюэ спросила:

— Ты расскажешь ей об этом?

Было очевидно, о ком речь.

Жун Чжи не ответила сразу, она явно колебалась.

Пока они стояли в молчании, завернув за угол, они обе замерли.

У двери квартиры Жун Чжи стояла женщина в шляпе и шарфе, скрывавших половину лица, но даже так нельзя было не заметить ее поразительной красоты.

Стоило взглянуть, как Жун Чжи сразу узнала Тань Шужу.

Цзян Чжаосюэ тоже догадалась.

Тань Шужу увидела Жун Чжи, и в ее глазах, полных нежности, мгновенно отразилась тревога. Она быстро подошла, погладила Жун Чжи по голове, коснулась ее лица и обеспокоенно спросила:

— Ты в порядке? Тебя били? Где ударили?

Она осматривала раны Жун Чжи.

У Жун Чжи перехватило горло, глаза, только что переставшие плакать, снова подернулись дымкой. Она молчала, боясь, что стоит ей открыть рот, как она разрыдается.

Цзян Чжаосюэ ответила за нее:

— Руки и ноги в ссадинах, остальное еще не проверяли.

Тань Шужу посмотрела на нее, ее взгляд был серьезен:

— Спасибо госпоже Цэнь за сегодняшний вечер.

Очевидно, она уже всё знала.

Цзян Чжаосюэ ответила скромно:

— Не стоит благодарности.

Понимая ситуацию, она решила оставить их наедине:

— Я проводила Жун Чжи до двери, идите внутрь. А насчет ран... побеспокойтесь о ней, госпожа Тань.

Тань Шужу не стала отказываться.

Жун Чжи посмотрела на нее с немым вопросом, но Цзян Чжаосюэ едва заметно покачала головой, показывая, что всё в порядке.

Попрощавшись, она развернулась и пошла к выходу. На душе было тяжело, словно ее придавило чем-то невидимым.

Говорят, что все страдания — лишь путь к самопознанию, а дела сердечные — тем более. Но самопознание — нелегкий путь. Это боль, словно вырывают жилы.

У нее самой больше не было сил на чувства, она лишь надеялась, что Жун Чжи окажется счастливее ее и сможет получить желаемое, не проходя через такие муки.

Погруженная в свои мысли, она не заметила, как отошла далеко от подъезда.

Ночной ветер поднял пыль, и вдалеке дважды мигнули фары автомобиля. Мягкий свет разрезал темноту.

В лучах света Цзян Чжаосюэ увидела, что там, где они расстались, по-прежнему стоит серый Куллинан.

Цэнь Лубай всё это время не уезжала.

<http://bllate.org/book/18697/1807085>